

Странные вещи случаются с нами иногда в жизни. А мы даже не замечаем, что происходит. Так, например, мы вдруг обнаруживаем, что были глухи на одно ухо, ну, скажем, в течение получаса.

Джеймс Барри, «Питер Пэн»

День, обещавший так много, заканчивался плохо.

Катерина положила трубку, раскалившуюся от гневных выкриков клиента, которому не понравилась статья, появившаяся с утра в «Коммерсанте». Изменить все равно уже ничего было нельзя, и Катерина едва удержалась от того, чтобы не надерзить строптивому клиенту. Виноват на самом деле был его собственный зам, не желавший учиться общению с прессой, а вовсе не агентство по связям с общественностью, которое это интервью организовало.

Двадцать минут она уговаривала, убеждала, сыпала комплиментами и клялась в вечной любви. Ничего не помогало. Клиент продолжал бусевать, и к концу разговора Катерина чувствовала себя тряпкой, которой вытерли пол, а потом засунули ее в угол, не забыв напоследок попинать ногами.

— Ох-хо-хо, — сказала Катерина и потерла глаза, уставшие от контактных линз и табачного дыма.

Самое время тихонько, не привлекая высочайшего внимания начальников, убраться восвояси. Она торопливо покидала в сумку пудрени-

цу и телефон и, сделав решительное и озабоченное лицо, чтобы всем окружающим сразу было ясно, что она отправляется куда-то по сверхважным делам и при этом очень спешит, двинулась в сторону лифтов.

Но не тут-то было.

— Катя! — радостно закричала из приемной генерального секретарша Ирочка. — Как хорошо, что ты еще не ушла! Олег только что просил тебя найти, я даже трубку сняла.

С протяжным стоном преступника, пойманного за руку в самый ответственный момент, Катерина посмотрела в пустую кабину пришедшего лифта, дождалась, когда закроются вожаделенные двери, и только после этого поплелась к генеральному.

— Что стряслось? — спросила она, едва войдя. Генеральный был не один. Первый зам попивал кофе из большой белой кружки, сидя за столом переговоров. Это не сулило ничего хорошего и могло означать только одно — они настроены на долгую беседу.

Катерина стояла посреди кабинета, решив ни за что не садиться. Может, если она будет стоять, они смилуются и отпустят ее домой?

— Садись, садись! — предложил генеральный, моментально разгадавший ее маневр. — Садись и читай.

И он швырнул на стол тяжелую кожаную папку.

Второй начальник приглашающим жестом отодвинул кресло, и Катерине ничего не оставалось, как покориться судьбе-злодейке.

— Что это? — спросила она уныло.

— Новый клиент! — ответил генеральный.

— Кто?

— Открывай, — велел генеральный тоном Деда Мороза, раздающего подарки, и многозначительно посмотрел на зама.

Катерина взяла со стола папку и некоторое время просто держала ее в руках, не открывая. Она специально испытывала терпение обоих начальников, которые сидели с такими самодовольными физиономиями, что не потянуть время было просто невозможно. Катерина понимала, что они, очевидно, поймали очень крупную рыбу, их ужимки и прыжки могли означать только это.

Она любила обоих начальников за неиссякаемый боевой задор, бульдожью хватку, профессионализм и даже некоторое присутствие порядочности. По крайней мере, с ней они оба всегда были очень милы.

— Ну ладно, Катерина, давай, не тяни, — наконец не вынес младший начальник Саша Скворцов, — мы оценили твою выдержку и здоровый скептицизм. Открывай.

Катерина вздохнула легонько и открыла папку.

— О господи, — пробормотала она, уставившись на большую цветную фотографию. Начальники переглянулись, довольные произведенным эффектом. Впрочем, иного они и не ожидали. Человек на фотографии на всех производил одинаковое впечатление.

— Ну как? — Главный начальник Олег Приходченко хотел бурных восторгов, а третье лицо компании и ее главная творческая сила что-то уж

слишком долго молчало, рассматривая фотографию и не перелистывая страниц.

Дело было сделано громадное — клиент, не просто перспективный, а очень перспективный, вместе со своим миллионным бюджетом, был у них в кармане, и только сам Приходченко знал, чего это стоило.

Катерина наконец оторвалась от созерцания фотографии и устало заявила:

— Вы просто спятили. Оба. Где вы его взяли?

— Коммерческая тайна, — буркнул Саша Скворцов, поняв, что никаких восторгов не предвидится. — А что тебя не устраивает, собственно? Мы добыли заказчика, у которого одна машина стоит столько, сколько ты зарабатываешь за десять лет. Ты его будешь вести. С нашей помощью, разумеется.

— Ну, разумеется, — усмехнулась Катерина.

— На его деньги мы будем жить всю жизнь, вместе со всей нашей лавкой. — Саша, как специалист по связям с общественностью, гнул свое и не давал сбить себя с толку ироничными замечаниями. — Так почему ты делаешь кислое лицо?

Они так с ней церемонились, потому что знали — без нее они не вытянут этого клиента. Да и никакого другого, даже значительно более простого, не вытянут. Катерина соображала, как компьютер пятого поколения, и, когда увлекалась, готова была работать день и ночь. Коммерческие вопросы они решали без нее, а стратегические только после консультации с ней. Впервые в их совместной работе они не спрашивали ее мнения, а ставили перед фактом, и Катерине это не слишком нравилось.

— Я не делаю кислое лицо, — ответила она Скворцову. — Я просто знаю, что мы ввязались в совершенно гиблое дело. Я все понимаю, и про бюджет, и про перспективы, но я также понимаю, что работать с такого рода личностями — это конец света.

И все замолчали. Катерина рассматривала фотографию.

Мужчина на ней выглядел мрачным и тяжелым, как танк «Т-34» времен Отечественной войны. У него было неприятное лицо и взгляд людоеда из детской сказки. Очки в тонкой золотой оправе смотрелись на его лице таким же инородным телом, как бриллиантовая брошь на платье нищенки.

Какой-то продвинутый имиджмейкер подсказал, поняла Катерина, чтобы облагородить резкое, почти уродливое лицо. Зря подсказал — очки смотрелись смешно.

— Что ему нужно? — спросила Катерина, переворачивая фотографию лицом вниз, смотреть на нее долго было невозможно, хотелось спрятать глаза и отодвинуться.

— Все, — коротко ответил Приходченко. — Полный спектр услуг, от начала до конца.

— Что это значит? — Катерина изучала первую страницу досье.

— Ты прочти сначала, — с легкой досадой посоветовал Скворцов, — а потом все обсудим.

Ему не нравилась реакция Катерины. Было очень важно, чтобы этим делом занялась именно она, только тогда они выжмут максимум возможного из этого суперклиента и его амбиций. Тогда они наконец выйдут на уровень, о котором мож-

но только грезить, лежа без сна между тремя и четырьмя часами ночи.

Катерина, пошарив рукой по столу, достала из пачки сигарету. Приходченко щелкнул зажигалкой и подвинул ей пепельницу.

— Завод на Урале, — пробормотала Катерина. — Верфи в Питере и в Калининграде. Недвижимость в Москве. Банк «Новое время». Телеканал СТМ, неужели тоже его? А вроде был Лисовского...

— Перекупил с месяц назад, — пояснил Приходченко, знавший это досье наизусть.

— Депутат от Калининграда, — бормотала Катерина, — член совета директоров Уралмаша, газета «Итоги»... кстати, неплохая газета... медиахолдинг, ну это понятно, куда ж нынче без медиахолдингов... Театр Ленинского комсомола тоже он спонсирует? Надо же, научил кто-то театры спонсировать... — Она перевернула страницу, мельком глянув на начальников. Начальники слушали ее перечисления как музыку.

— Биография... — Катерина затушила сигарету, читать стало интересней. Ее всегда занимало, как можно сделать такие деньги. Понятно, что нужно воровать, но воровать исключительно талантливо. — Вырос в Калининграде, школа № 43, ПТУ... ну, конечно... завод «Янтарь», о господи, наладчик. Наладчик?! Инженер, начальник смены, начальник цеха. Директор. После приватизации, что ли? — Катерина взглянула на Приходченко. Тот кивнул. — Дальше все как по писаному. Окончил Калининградский технический институт. И еще Академию народного хозяйства

три года назад. Ну, этот диплом купил для порядка, или опять, может, кто подсказал...

— Кать, не надо думать, что он идиот, — не выдержал Скворцов.

— Идиотов с такими деньгами не бывает, — ответила Катерина, — по крайней мере живых...

— Вот именно, — усмехнулся Приходченко.

— Сорок один год, второй раз женат. Первая жена, Людмила, прозябает на исторической родине, в славном городе Калининграде. Разошлись давно и тихо-мирно, судя по тому, что в прессе никаких скандалов не было. Интересно, он ее содержит или нет? Не выяснили? — Катерина глянула на начальников. Скворцов отрицательно покачал головой. — Надо выяснить. Вторая жена, Диана Карпинская, «мисс Мода — 94». О господи, как они все неоригинальны, эти олигархи... Куда же ему, бедному, без «мисс Моды»? Практически никуда... Ушла с подиума вскоре после того, как вышла замуж. С первой женой она его развела или они раньше развелись, никто не знает?

— Ты все и узнаешь, Катерина, — ехидно ответил Скворцов. Она пропустила ремарку начальника мимо ушей. Биография доброго молодца — промышленного магната ее по-настоящему увлекла.

— Сегодня прелестная женушка — генеральный директор издательского дома «Диана», выпускает популярный женский журнал «Диана» и еженедельник о моде «Диана». Как, опять Диана? Нет, ей-богу, вы спятили, ребята. Клиент похож на развевшегося уголовника из зоны, его жена называет собственным именем все, что видит во-

круг. У нее нет виллы на Средиземном море под названием «Усадьба «Диана»?

Начальники переглянулись и, перестав шагаться по кабинету, заняли места за столом переговоров, напротив нее.

Шутки кончились, так поняла их маневр Катерина. Начинается работа, за которую ей придется браться, как бы она ни пыталась их разозлить и заставить тащить проект без нее.

— Дайте я дочитаю-то, — попросила она с тоской. — Немножко осталось.

— Валяй, дочитывай, — разрешил Приходченко. — И запоминай все хорошенько. Так чтоб потом время не тратить.

— Машины — никаких пристрастий. К «Мерседесам» равнодушен. Неужели? Представительская машина — «Ягуар». В быту ограничивается джипом. «Лендровер» индивидуальной сборки. Вот это классно придумано — в быту! Охрана передвигается на «Хаммере». О боже, боже... К одежде равнодушен. Носит английские костюмы, которые привозит из Лондона. Развлечений — никаких. Как, а голые девочки в бане?

— Никаких голых девочек, Катерина. — Приходченко даже обиделся за клиента. — Тут уж одно из двух: или девочки, или бизнес такого уровня. Любовница, наверное, есть, мы не проверяли, но уж девочек точно нет.

— Хотите, я догадаюсь, что он слушает в машине? — спросила Катерина, закрывая папку.

— Хотим, — улыбнулся Приходченко. Это было интересно. Катерина еще не вступила в игру, еще иронизировала и ломалась, но ее безошибочное чутье уже улавливало что-то, какие-то

токи, исходившие от собранного материала, и за это чутье Приходченко готов был простить ей все, что угодно, любые выкрутасы.

— В машине он слушает группу «Любэ» и роняет скупую мужскую слезу на свой кейс с деньгами, когда они поют про коня или про комбата. Точно?

— Попала, Катька, — улыбнулся Приходченко. — Про слезу не знаю, но слушает он «Любэ», это точно. Ты политическое досье специально не стала смотреть?

— Олег, уже конец дня, я настроилась домой идти. Если хотите обсуждать что-то, давайте обсудим, хотя и так все ясно. А досье я с собой возьму. Почитаю на ночь. Прелестное, надо сказать, чтение. Если вы хотите что-то сказать мне сверх того, что я уже изучила, — вперед.

— Вперед, — повторил Приходченко. — Самое главное — он хочет пройти в губернаторы. На своей, как ты выражаешься, исторической родине.

— Я догадалась. — Катерина снова закурила.

День был тяжелым, и она понимала, что разговаривать им еще долго. Хотелось домой. Сестра обещала заехать на ужин, а Катерина опять пропустит все самое интересное — Дарьины рассказы про дочку, двухлетнюю Саньку, которую они всем семейством обожали. Дарья завтра будет звонить и ругать ее, никудышную сестру и невнимательную тетку.

Приходченко тоже закурил, задумчиво пуская дым в Сашу Скворцова.

— Но не это самое главное, — встрепенувшись, вступил в разговор Саша. — Самое глав-

ное, что губернаторством дело не ограничивается.

— В президенты метит? — осведомилась Катерина с усмешечкой. — В правильном направлении мысля?

— Ты всегда мыслишь в правильном направлении, — согласился Приходченко и вновь замолчал.

Он сознательно оставлял все объяснения на долю Саши Скворцова, у того это получалось лучше, да и ссориться с Катериной у Олега не было никакого резона — пусть ссорится Скворцов.

О ссорах Александра Скворцова и Катерины Солнцевой по офису ходили легенды, о них слагали былины и шептали друг другу в уши в курилке. Приходченко был ни при чем. Положение генерального директора позволяло свалить все самое неприятное на долю близкого окружения — Скворцова и Солнцевой. Саша о своей участи прекрасно знал, просто деваться ему было некуда.

— До президентских выборов осталось как раз три года. Если он на следующий год пройдет в губернаторы, то на создание земного рая, или его видимости, в отдельно взятом анклаве останется два года. Вполне достаточно. Наша главная задача — создать эту видимость так, чтобы в нее поверили все, включая самого клиента.

— Наша главная задача, — раздражаясь, вступила Катерина, — осознать масштабы бедствия, в которое мы со всего размаху вляпались. Ведь отступать, как я понимаю, некуда?

Скворцов кивнул, соглашаясь.

— Воистину некуда, раба божья Екатерина. У него формируется предвыборный штаб, и мы в него уже вошли как служба по связям с общественностью. Нужно быстро составить план мероприятий, придумать, куда лучше всего вложить деньги, написать медиа-планы, все как всегда.

— Да не все как всегда, Саша! — Катерина завелась с пол-оборота. Она ненавидела эту скворцовскую черту — весело рассуждать о самых сложных проектах, ставить заведомо невыполнимые задачи, а потом так же весело требовать их выполнения. Иногда это срабатывало — трепеща перед светлым начальничьим ликом, сотрудники вылезали из кожи вон, создавали на пустом месте целые программы и резво их воплощали в жизнь.

Сейчас, Катерина отлично это понимала, совсем другой случай. Ценой ошибки была не потеря денег, а «усекновение главы», как называл крупные неприятности Катеринин отец, Дмитрий Степанович, того же Саши Скворцова.

— Мы никогда в жизни не занимались выборами. Это раз. Мы никогда не работали в его окружении. Это два. Нам всем придется как минимум на год переселиться в Калининград. Это три. Нас никто не допустит до тела. Никогда. Это и четыре, и пять, и восемь, и двенадцать.

— Почему не допустит? В понедельник мы едем представляться. Непосредственно телу, — снисходительно поправил ее Саша. — Ты, между прочим, тоже едешь.

— Хорошо, один раз мы его увидим в непосредственной близости от себя, а потом? Или Тимофей Кольцов будет принимать Приходченко каждый день, и выслушивать отчеты, и править

речи, и согласовывать графики мероприятий, и утверждать встречи, и общаться с журналистами, и учиться правильно говорить? Все это он как миленький будет делать, а нам останется только правильно использовать его денежки. Об этом вы грезите?

— И об этом тоже, — согласился Саша, не теряя снисходительности.

— Вы не понимаете, что на себя берете, ребята, — устало сказала Катерина. — Я правда очень горжусь тем, что работаю с вами. Вы, как начальники, исключительно хороши. У меня такие впервые. Но ни вы, ни я ничего не понимаем в политическом пиаре. И так быстро, как нужно, не научимся. А значит, все будут вечно недовольны друг другом. Он деятель такого уровня, что мы никогда не получим к нему прямого доступа. Нас всегда будут ограничивать, останавливать и не допускать. Мы не имеем никакого отношения к его окружению. Или имеем?

Приходченко медленным движением подтянул к себе соседнее кресло и водрузил на него ноги в лакированных ботинках.

Врать Катерине ему не хотелось. Правду сказать он не мог. Поэтому он произнес нечто среднее, но вполне безопасное и правдоподобное:

— Меня вывели на его зама по прессе Игоря Абдрашидзе. Он когда-то начинал в ТАСС, поэтому у нас остались общие знакомые. И, в общем, мы его устроили как грамотная и почти что своя, карманная, команда.

— А что, у него нет по-настоящему карманной команды? — подозрительно спросила Кате-

рина. — Или у тебя были какие-то рычаги воздействия?

— Были, были, как же иначе? — проворчал Приходченко, не желая вдаваться ни в какие подробности. — В теннис три раза поиграли, вот и все рычаги.

«Ты врешь, — поняла Катерина, — если бы все было так просто, вы бы меня спросили, прежде чем принимать решение. Нет, тут чьи-то интересы сыграли роль, только непонятно чьи».

Катерина знала, что ни один из ее начальников всерьез в политику никогда не лез, хотя все отлично понимали, что самые большие деньги крутятся именно там. Они работали с крупными промышленниками, банкирами и даже поп-звездами. Все эти категории, кроме последней, имели весьма опосредованное отношение к политике, только в части лоббирования собственных интересов и подкупа «слуг народа». Последняя категория с политикой дела не имела вовсе.

Это всех устраивало, и за год существования, благодаря связям Приходченко и мозгам Солнцевой, никому не известное агентство по организации связей с общественностью «Юнион» вошло в Москве в десятку лучших и заимело репутацию надежного и профессионального партнера.

Их PR-акции были грамотно спланированы и приносили неизменный успех, их пресс-конференции собирали вал журналистов и телевизионщиков, советы о том, что следует проспонсировать, а что осторожно обойти, неизменно служили укреплению репутации клиента.

Катерина понимала, что хорошо отлаженный

механизм их работы разрушится полностью и окончательно, как только они возьмутся за водружение Тимофея Кольцова на губернаторский престол. Заниматься привычной и приносящей денежки текучкой будет некогда и некому. А эти денежки пусть небольшие, но стабильные, и на них вполне благополучно кормятся тридцать человек персонала, и упускать их жалко, да и суперклиент не один на белом свете. Выборы выборами, но они пройдут, и что останется?

Придется перекраивать все — структуру агентства в целом, состав отделов, нужно искать кого-то, кто заменит Катерину и Скворцова на скучных, ежедневных, требующих постоянного внимания и контроля делах.

Да и про переезд в Калининград на год Катерина вовсе не шутила. Еще очень свежи были в памяти минувшие президентские выборы, во время которых большую часть времени Катерина проводила в самолетах, а оставшуюся — в гостиницах, готовясь к съемкам президентских выступлений перед избирателями. Она тогда похудела на десять килограммов и очень хорошо заработала. Но начинать все заново, да еще когда вся ответственность на тебе, а кандидат — то ли бандит экстра-класса, то ли наладчик с сумасшедшим честолюбием и кучей денег, Катерине очень не хотелось.

И еще она понимала, что история получения заказа гораздо сложнее, чем обрисовал Приходченко — поиграли в теннис с замом, и он полюбил нас, как родных. Такие клиенты не падают с неба и не достаются «по случаю». Приходченко

явно темнил, и Катерине это совсем не нравилось.

— Кать, договор-то подписан, так что давай начинай думать, — прервал затянувшееся молчание Саша Скворцов. — Чем быстрее ты придумаешь стратегию, тем легче нам будет жить.

— Нет уж, Сашенька, — сказала Катерина, поднимаясь и прихватывая со стола увесистую папку политического досье Тимофея Ильича Кольцова, — я пока домой поеду. А почему мы все вместе идем ему представляться? Я-то тут при чем? Я нормальная рабочая лошадь, мне знакомиться с ним ни к чему, я буду придумывать, как подать его получше, и, в общем, мне совершенно наплевать на то, как он выглядит. А больше мы ничего из этой встречи не извлечем, я точно вам говорю.

— И ты должна на него посмотреть. — Приходченко снял ноги с кресла и теперь рассматривал Катерину через канцелярскую лупу, невесть как попавшую к нему на стол. Его глаз при этом казался раз в шесть больше, чем на самом деле, а сам Приходченко напоминал персонаж из фильма об ученых-убийцах. — И он должен на тебя посмотреть, и все мы должны посмотреть друг на друга.

Катерина, усмехнувшись, пошла к двери, но остановилась, взявшись за ручку.

— Если б не моя чудовищная алчность и жажда наживы, я бы послала вас к черту вместе с вашим кандидатом. Но страсть к деньгам сильнее меня. Поэтому я постараюсь взять себя в руки и начать работать на него. Но заметьте, —

она смешно подняла палец, цитируя какой-то фильм, — не я это предложила!

Дверь за ней закрылась. Приходченко бросил на стол идиотскую лупу и посмотрел на Скворцова.

— Она узнала о новом клиенте?

— Полчаса назад.

— Что-нибудь говорила?

— Ругалась. Он ей не нравится.

— Пусть понравится. На нее весь расчет. Она будет держать вас в курсе всех дел, только если его окружение будет ей доверять. Вы же говорили, что в отношениях с людьми ей нет равных.

— Так и есть.

— Так пусть она работает с его окружением как можно больше и как можно быстрее начинает. Если ее допустят непосредственно к нему, считайте, что мы выиграли.

— Ну, это вряд ли. Сами понимаете, подойти к нему близко очень трудно.

— Мы поможем. Если кто-то будет мешать, мы его спокойненько уберем, а ее надо по возможности продвинуть поближе. Хорошо бы в постель к нему пристроить.

— Я вам говорю, что он ей совсем не нравится! А она не проститутка и не нищенка, чтобы внезапно начать спать с деньгами! Так что выбросите это из головы — спать с ним она не станет.

— А что это вы так разгорячились? Сами небось не прочь? Или уже? Или жалко девочку, умницу и красавицу? Служенье муз не терпит суеты, милейший, а уж тем более служение политике. Так что действуйте, как договаривались, да смот-

рите, чтобы не мешал никто, особенно второй. И звоните, звоните чаще, держите нас в курсе! И не суетитесь, поспокойнее, без нервов, ей-богу!..

— Ладно, хоть бога-то все не поминайте...

В субботу Катерина встала поздно. Родители никогда не будили ее по выходным, зная, что, разбуженная раньше срока, Катерина будет все утро злиться и ныть, как надоедливая осенняя муха, готовая в любую минуту то ли укусить, то ли впасть в спячку. Поэтому когда она спускалась из своей «светелки», как называла второй этаж Марья Дмитриевна, ее мать, завтрак был уже давно съеден и забыт и родители садились во второй раз пить кофе.

Почему-то, во сколько бы Катерина ни встала, она всегда попадала именно к этому моменту и радовалась, как маленькая, упоительному запаху кофе, и зычному отцовскому басу, и клацанью собачьих когтей по деревянным полам, и легкому, интеллигентному перезвону чашек, взятых по случаю субботы и хорошего настроения из бабушкиного дрезденского сервиза.

Ах, как это было здорово — проснуться субботним сентябрьским утром на даче и смотреть, как, отражаясь от чего-то за окном, плещется на потолке жидкое пятно света — напоминание об уходящем лете, и как прижимается к стеклу разноцветная ветка клена, а за ней виден кусок неба, такого синего и осеннего, что оно кажется ненастоящим, и слушать, как внизу, на кухне, родители негромко переговариваются о чем-то, и отец

очень старается говорить тихо, но все равно гудит гулким басом, как из бочки.

Когда-то он специально учился так говорить, чтобы было слышно во всей аудитории, до самого последнего ряда.

Шлепая босиком в ванную и ежась от радостного и прохладного ощущения гладкого деревянного пола под ногами, Катерина продумывала план на день.

— Есть ли у вас план, мистер Фикс? — спросила она свое отражение в зеркале, выдавливая на щетку зубную пасту. Катерина любила мультфильмы. — Да у меня три плана!

Нужно будет дочитать до конца документальную эпопею под названием «Как я стал олигархом. Несколько эпизодов из жизни Тимофея Ильича Кольцова». Еще нужно помыть машину и хитростью и лестью заставить отца прочистить карбюратор — ее «девятка» уже с неделю упорно глохла в пробках, и Катериныны подозрения пали именно на карбюратор. Еще нужно изобразить что-нибудь необыкновенное на обед, к которому скорее всего приедут сестра Даша, зять Митя и племянница Санька.

Еще хорошо бы «познать самое себя», как называла моменты долгих дочкиных раздумий Марья Дмитриевна, и выстроить свое отношение к проблеме Тимофея Кольцова и работы на него.

Что-то странное было в том, как вчера вели себя начальники, как переглядывались и темнили. И решение они приняли без нее. Зачем? Она — доверенное лицо, третий человек в бизне-

се, глупо думать, что они хотят ее обойти, им без нее не справиться. Тогда что?

— Катерина! — заорал снизу отец, радуясь возможности продемонстрировать свой необыкновенный бас. Очевидно, они услышали, как она шлепает по полу. — Кофе готов. Давай!

— Я даю! — закричала в ответ Катерина. — Умываюсь!

И совсем близко, у лестницы, раздался звучный голос матери:

— Почему в этой семье никто не может говорить потише?

В этой семье действительно никто не мог говорить тихо — все орали. И не по злобе душевной, а в силу темперамента и традиций. Митя, Дашин муж, долго не мог привыкнуть — ему казалось, что все Солнцевы вот-вот подерутся, а они даже не понимали, что его удивляет. Всю жизнь все они громко разговаривали, смеялись от души и от души же ругались. Правда, справедливости ради надо сказать, что ругались они редко. Сколько помнила себя Катерина, столько помнила бурные кухонные обсуждения каких-то научных проблем, которые родители вели каждый вечер. Бабушка, нежнейшее, добрейшее, возвышенное создание, время от времени пыталась их урезонить — пожалейте детей, расскажите им за ужином про курочку Рябу или Спящую Красавицу.

А родители продолжали рассказывать о том, почему никогда не упадет Пизанская башня, какое сечение у пирамиды Хеопса, куда девались

сокровища майя, от чего, собственно, отрекся Галилео Галилей и по какому принципу расположен каскад фонтанов в Петергофе.

Первого сентября на первом в своей жизни уроке Катерина прочитала букварь от титульного листа до фамилий корректоров и редакторов и со скуки затеяла драку с соседом.

Так началась для нее школа и так продолжалась все десять лет.

Воспитанная в обстановке абсолютной и безграничной свободы, при которой они с Дарьей всегда имели право на собственное мнение, неизменно уважавшееся и родителями, и бабушкой, Катерина не могла понять, почему после школы нужно непременно идти собирать макулатуру. Ведь все равно макулатура сгниет в сарае за школой! Это все знают... А времени нужно потратить массу.

Или зачем наизусть заучивать обязанности дневального по роте, когда понятно, что дневальными по роте им с сестрой не быть никогда.

И зачем читать глупые и плохие книги, да еще высасывать из пальца какие-то сверхидеи, когда можно читать умные и хорошие и из пальца ничего не высасывать?

Десять лет Катерина провела в легальной оппозиции к системе среднего образования. Родители делали все, чтобы поддержать ее с Дашкой и в то же время не дать их оппозиции превратиться в конфронтацию. Как-то они ухитрились примирить и Катерину, и Дарью с действительностью без ущерба для их формирующегося «я» и нежных девичьих душ.

В один прекрасный день отец Дмитрий Сте-

панович стал знаменитым. Катерина училась тогда в девятом классе, Дарья — в седьмом. Ему присудили Нобелевскую премию по физике, и он стал «ученым с мировым именем».

Его признали не только в мировом научном сообществе, но даже в школе, где учились его дочери. Раньше, до внезапно свалившейся славы, он был бесперспективный родитель — не директор гастронома и даже не заведующий складом стройматериалов. А тут вдруг выяснилось, что долгие годы весь педагогический коллектив просто-напросто подготавливал базу для встречи великого ученого и подрастающей смены. Отца стали приглашать в школу каждую неделю — рассказать о своих достижениях. Отец отговаривался тем, что косноязычен, и радостно извещал об этом директора или завуча в вежливых записках с отказом от очередного выступления.

— Слава меня испортит! — сообщал он Марье Дмитриевне, сочиняя «отказные» записки.

— Авось не испортит, — философски отвечала Марья Дмитриевна.

Теперь они много ездили по миру и вдвоем, и с барышнями, как начал называть дочерей отец, когда им стали звонить кавалеры.

К моменту поступления в институт Катерина уже в полной мере осознала всю чудовищность лжи, в которой жила ее страна в течение многих десятилетий.

И, как всегда, здравомыслие, логика и поддержка отца и эмоциональность, страстность и вера в человеческий разум матери помогли Катерине выбраться из капкана недоверия и неуважения к людям, так бессовестно лгавшим и готовым

верить любой лжи снова и снова, лишь бы ни к чему не прикладывать усилий.

«Делай что должен, и будь что будет», — всегда повторял отец английскую поговорку. К двадцати восьми годам Катерина вполне прониклась величиим этой поговорки и всегда старалась ей следовать.

Она обожала своих родителей и, посмеиваясь, на равных с ними, баловала, холила и лелеяла бабушку.

Бабушке стукнуло 84. Лето она проводила на даче и в Карловых Варах, а зиму в Москве, посещая музыкальные вечера в Пушкинском, консерваторию и сауну в компании с «девочками» ее возраста. Она была изящна, ухоженна, носила на левой руке бриллиантовое кольцо, зятя тридцать шесть лет называла на «вы», при этом виртуозно чистила селедку, никогда не отказывалась от стопки и курила «Мальборо-лайт».

Спустившись в кухню, Катерина обнаружила, что все давно перестали орать и степенно попивают кофе из бабушкиных чашек дрезденского фарфора.

Веселую деревянную кухню заливал желтый солнечный свет, и казалось, что лето бродит где-то поблизости.

Кузьма, громадный кавказец ее отца, с надеждой и умилением смотрел на олады, переминаясь за отцовским креслом. Кот Василий спал, свесив бока и лапы с бабушкиных колен, облаченных в теплую байковую пижаму. По его подрагивающим ушам Катерина поняла, что ситуацию он тем не менее контролирует полностью.

— Хелло! — поприветствовала всех Катерина на иностранный манер.

— Хелло! — отозвался отец.

Катерина подставила бабушке щеку, а мать неожиданно сказала:

— Как мне надоел этот зверинец в доме!

Посмотрев по сторонам, Катерина поняла, к чему это было сказано, — такса Вольфганг, или просто Ганя, или же Моня, потому что Вольфганг — Моцарт, забралась в кошачью миску, перевернула ее и с упоением вылизывала образовавшуюся на полу лужицу овсянки.

— Он всем надоел! — радостно поддержал жену Дмитрий Степанович. — Давай их всех завтра же сдадим на живодерню!

— Вас обоих на живодерню, — подала голос бабушка. — Уедете, а мы с Катериной корми всю скотину!

— Продержимся, бабушка! — успокоила ее Катерина, целуя мать. От гладкой розовой щеки пахло духами, кофе, ванилью — любимый, успокаивающий, очень родной запах. — Кстати, когда вы уезжаете?

— Через неделю, если все сложится, — ответила Марья Дмитриевна, наливая кофе. — Омлет поджарить?

— Омлет не изволю. Изволю йогурт, сыр и ветчину! — провозгласила Катерина.

Бабушка поморщилась:

— Хоть ты не ори, — велела она. — Марию уже не перевоспитаешь, Дима давным-давно испортил ее окончательно, а тебе вполне можно последить за собой.

Отец оглушительно захохотал, мать дала ему

шутливый подзатыльник, в общем шуме Кузьма ухватил у отца с тарелки оладью и заглотил ее одним движением. После чего виновато задвинул зад подальше за кресло.

— Ты чего вчера явилась так поздно? — спросила мать, когда улеглась суматоха. Она боком сидела у стола, в любой момент готовая вскочить и броситься ухаживать за семейством, — элегантная, высоченная, лишь чуть ниже отца, стильно причесанная, в джинсах и свитере. Всю жизнь Катерина гордилась, что у нее такая мать.

— Ой, у нас новый клиент. — Катерине хотелось рассказать все родителям. Их мнению она безоговорочно доверяла. — Догадайтесь, кто?

— Березовский, — предположил отец.

— Билл Клинтон, — сказала бабушка, любившая американского президента.

— Сама ты Билл Клинтон, — разуверила бабушку Катерина. — Тимофей Кольцов, вот кто.

— Весьма солидно, — заявила мать, наливая себе еще кофе и подвигая бабушке пепельницу. — А что с ним нужно делать?

— В губернаторы продвигать, а потом в президенты.

— России? — уточнила мать.

— Нет, Швейцарской Конфедерации, — разъяснила Катерина.

— Разве вы умеете это делать? — спросила мать. — По-моему, это полное безумие. Или твой Приходченко считает, что под такое дело он наймет профессионалов?

— Мой Приходченко считает, что самый лучший профессионал — я, — усмехнулась Катерина, прихлебывая из чашки.

— Но ведь ты не занималась политическим пиаром, — вступил отец. — Или вам кажется, что это очень просто?

— Нет, мне лично кажется, что это, как выражается мама, полное безумие, но они уже подписали контракт и горды собой невероятно. Они считают, что, раз я хорошо придумала стратегию для пивоваренного завода, значит, мне ничего не стоит придумать стратегию для будущего президента.

— Объясни им, что ты этого не умеешь, — посоветовала мать, — или попадешь впросак. Не будь, как мои студенты. Они для того, чтобы их взяли работать за границу, придумывают про себя бог весть что, а потом, когда их через месяц отовсюду увольняют, звонят и плачут, что им не на что улететь в Москву.

— А она им отправляет деньги, — доверительно сообщил Катерине отец.

— Ну и что же? — Марья Дмитриевна пожалала безупречными плечами под кашемировым английским свитером. — Человеку всегда нужно предоставить второй шанс, особенно если человек молод, а у тебя есть такая возможность.

— Ну а мне второй шанс никто не предоставит, — заявила Катерина, не давая семейству увести себя от темы. — Я понимаю, что если кампания провалится, то провалю ее именно я, а не Олег и не Скворцов. То есть, конечно, перед всемогущим Котом Тимофеем не я буду отвечать, но будет подразумеваться, что грош мне цена.

— Глупости какие! — громко воскликнул отец, незаметно скармливая под столом Кузьме еще одну оладью. — Если ты не знаешь, что де-